

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

А. Ословский

ОТКРЫТАЯ СЕССИЯ
УЧЕНОГО СОВЕТА
ПОСВЯЩЕННАЯ

80
ЛЕТИЮ

ЛЕНИНГРАДСКОЙ
КОНСЕРВАТОРИИ

1862/63

1942/43

ТАШКЕНТ

1943

Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория

А. В. Оссаветскому

**ОТКРЫТАЯ СЕССИЯ
УЧЕНОГО СОВЕТА**

посвященная 80-летию

ЛЕНИНГРАДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

1862/63 — 1942/43

ТАШКЕНТ
1943

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛЕНИНГРАДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

В ряду основных очагов советской художественной культуры одно из самых видных мест принадлежит Ленинградской орденна Ленина государственной консерватории. Старейший советский музыкальный ВУЗ, Ленинградская консерватория имеет всеоюзное значение и заслуженно пользуется мировой славой.

Профессорами Ленинградской консерватории всегда были крупнейшие русские музыканты: исполнители, композиторы, ученые. Ее воспитанники — артисты оперной сцены, концертной эстрады, симфонических оркестров и всевозможных инструментальных и вокальных ансамблей, педагоги консерваторий, музыкальных училищ и школ, руководители театров, филармоний и учебных заведений — уже много десятилетий плодотворно работают на пользу отечественного искусства не только во всех концах нашей необъятной страны, но и далеко за ее пределами. Сочинения педагогов и воспитанников Ленинградской консерватории пойдя и играют повсеместно в СССР и за рубежом, равно как всюду читаются и изучаются научные труды и критические статьи ее музыковедов.

Советское правительство высоко оценило заслуги Ленинградской консерватории, наградив ее орденом Ленина. Многие профессора и воспитанники Ленинградской консерватории персонально награждены орденами и медалями, а также почетными званиями и грамотами. Для обучающейся же в стенах Ленинградской консерватории талантливой молодежи правительством учреждено пятьдесят стипендий имени лучшего друга и вдохновителя советского искусства — товарища Сталина.

В великие и грозные дни Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков, отмечает Ленинградская консерватория восьмидесятилетие своего существования. По-новому она теперь осмысляет свой исторический путь, по-новому намечает и перспективы дальнейшего развития.

Издание Ленинградского ордена
Ленина Консерватории

Ответственный редактор
А. Л. ОСТРОВСКИЙ
Технический редактор
А. Б. БРУК
Художник
С. М. ШТЕЙНБЕРГ

Сдано в производство III-1943.
Подписано к печати 8/III 1943.
Формат 21/8, печ. лист. Р 9679.
Тяпкинская типография № 1.
Тираж 500. Заказ № 1977.

* * *

Защищая в середине прошлого века идею учреждения в России профессионального музыкального образования, гениальный пианист и композитор Антон Григорьевич Рубинштейн писал: «Грустно становится, когда видишь такой порядок вещей в стране, где музыка могла бы достигнуть до высокой степени совершенства, потому что никто не станет спорить, что русский народ одарен несомненной способностью к этому искусству». Такая характеристика состояния русской музыкальной культуры была глубоко справедлива.

Русская аристократия видела в музыке только развлечение. Всячески поощряя салонное музыкальное любительство, аристократия высокомерно презирала профессиональный музыкальный труд. Социальное положение русского музыканта было весьма незавидно и оно усугублялось массовым наплывом жаждущих наживы иностранцев, благодаря которому русскому человеку было крайне трудно добиться признания. Серьезно учиться музыке было нелегко. Даровитейшие русские люди гибли от бездушного непонимания.

Между тем, еще с конца XVIII века в России стали выдвигаться первоклассные музыкальные таланты: Березовский, Бортнянский, Фомин и Хандошкин явились первыми русскими композиторами, снискавшими европейскую славу, а вскоре гений Глинка навсегда упрочил место русской музыки в мировом искусстве. На очередь остро встала задача решительной борьбы с крепостническими предрассудками и порядками — за национальную русскую музыкальную культуру. И эта борьба была прямым следствием того общего порыва к преодолению средневековой косности, которое охватило передовую Россию в знаменательные шестидесятые годы прошлого столетия.

Создание первой русской консерватории явилось одним из ярчайших следствий нового понимания целей и путей русской музыки: музыка — могучее средство просвещения, и чем больше будут по всей стране звучать великие создания музыкального искусства — тем выше станет культурный уровень русского народа, тем легче будут развиваться сокрытые в народной толще могучие таланты.

Нелегко было Рубинштейну реализовать столь назревшее и важное дело. Для этого пришлось преодолеть неимоверные трудности и подчас откровенное сопротивление реакционных кругов. Попытка получить правительственную поддержку оказалась безрезультатной, так как официальная точка зрения на этот вопрос утверждала, что «с целью распространения в

народе музыкального начала» основание консерватории «несвоевременно», а для «доставления возможности тем, кто желает, получить высшее музыкальное образование» она является «учреждением роскоши», пользы от которого «ожидать нельзя».

Но Рубинштейн не отказался от своего смелого, по условиям времени, замысла сделать систематическое обучение музыке «общедоступным и, по мере возможности, бесплатным». Если государство не принимает на себя заботы о русской консерватории, она должна стать общественной. И, движимый силой «одушевления и энергии», Рубинштейн добился своего.

Несмотря на все тормозы и препятствия, 8/20 сентября 1862 года в маленьком флигеле большого столичного дома на углу набережной Мойки и Демидова переулков торжественно открылась Петербургская консерватория. Через полгода, перед специальной комиссией, сам Рубинштейн держал для укрепления авторитета своего детища выпускной экзамен на звание «свободного художника», а в декабре 1866 года состоялся первый выпуск консерваторских воспитанников, в число которых входил и молодой П. И. Чайковский, сразу же приглашенный профессором в только что открытую, по образцу Петербургской, дочернюю Московскую консерваторию.

Как бы ни были велики организационные трудности первой в России консерватории, отнюдь не меньшими были ее творческие трудности. Для высококачественной постановки консерваторского преподавания нужны были первоклассные музыканты, сами прошедшие солидную композиторскую или исполнительскую школу. Однако, после смерти Глинки среди русских музыкантов, кроме самого Рубинштейна, не было никого, кто мог бы в полной мере удовлетворить этому требованию. С другой стороны, русская консерватория настоятельно нуждалась в четкой национальной ориентации всей учебно-воспитательной системы. Но ее, понятно, нельзя было ожидать от тех иностранных виртуозов, которые в тот момент единственно могли сообщить своим ученикам необходимые технические познания.

Найти правильный выход из такого положения означало обеспечить будущее русской профессиональной музыкальной школы. Ошибиться же — означало надолго скомпрометировать в России идею профессионального музыкального образования.

Повинуясь своему великопному чутью художника-мыслителя и опираясь на всестороннее знакомство со всей мировой музыкальной культурой, Рубинштейн взял твердый курс на овладение высшими достижениями европейской музыки как первый этап развития музыкального профессионализма в России. И соответственно такой установке он подбирал для задуманной им консерватории педагогов, которые могли наилучшим для того времени образом содействовать подготовке национальных музыкальных кадров.

Профессорский состав Петербургской консерватории был поистине блестящим. Сам Рубинштейн, пианист Лешетницкий, скрипач Вояжский и виолончелист Давыдов возглавляли педагогическую корпорацию, состоящую из музыкантов европейской славы. Это сразу же ощутили вновь принятые воспитанники, воочию убедившись (как впоследствии вспоминал один из них), что «подобного богатого состава выдающихся артистов не имела в то время ни одна консерватория в Европе».

Используя при организации обучения опыт старейших западных — в первую очередь Парижской и Лейпцигской — консерваторий, Рубинштейн сумел счастливо избежать свойственных последним в эти годы замкнутости и рутинности. В молодой Петербургской консерватории, по свидетельству обучавшегося в ней критика Лароша, «господствовало какое-то бодрое, радостное настроение», и ученикам «свободы» давали «много». Неотъемлемой частью обучения, по мысли Рубинштейна, являлось посещение учащимися концертов, в которых молодые музыканты знакомились с творчеством классиков и современных мастеров.

Прекрасный профессорский состав и серьезная постановка обучения вскоре же дали отличные результаты. И эти результаты бросались в глаза всем иностранным гастролерам, посещавшим Россию. Недаром в 1864 году писал Ганс Бюлов: «После едва ли двухгодичного существования Петербургская консерватория показывает результаты, пристыжающие все наши немецкие академии».

Так Рубинштейном была разрешена задача создания прочной базы для подготовки высококвалифицированных кадров русских музыкантов.

Далеко не всеми современниками, однако, была правильно понята основная тенденция Рубинштейна. Его западническая ориентация многими русскими музыкальными деятелями воспринималась как, якобы, противоречащая национальным

задачам музыкального искусства. Вокруг молодой Петербургской консерватории разгорелась острая полемика, и ее основателю не раз приходилось выслушивать горькое обвинение в будто бы производимом «немечивании» русской музыки.

Между тем, такое обвинение было совершенно незаслуженным. Безгранично преданный Родине великий музыкант страстно ненавидел тупое немецкое мешанство и выросавший на его почве злоеший дух воинствующего пруссачества. Но он прекрасно знал, сколь чужды были шовинистической ограниченности и непонятый соотечественниками при жизни мудрый Бах, и безвременно угасший в атмосфере холодного безразличия светлый Моцарт, и преждевременно сгоревший в неразделенных мечтах о братстве людей Бетховен, и тщетно уповавший в продолжение всей своей кратковременной жизни на близость счастья Шуберт, и трагически погибший в неравной схватке с косным филистерством Шуман. И в полном сознании того, что их творчество принадлежит всему борющемуся за правду и свободу человечеству, на высочайших достижениях их гения Рубинштейн считал необходимым основывать воспитание русских музыкантов.

Что же касается профессорского состава Петербургской Консерватории, то он, включая в себя выдающихся музыкантов многих европейских национальностей, являлся вполне космополитическим и, следовательно, отнюдь не носил преимущественно немецкого характера.

Таким образом, какие бы частные ошибки ни были допущены при учреждении Петербургской консерватории, в целом она была основана на безусловно здоровом фундаменте. История показала полную правоту позиции Рубинштейна. Поэтому именно на базе Петербургской консерватории вскоре же произошла консолидация всех прогрессивных течений русского музыкального искусства.

Если в первые годы своей деятельности Петербургская консерватория вызвала ожесточенные нападки со стороны ряда видных представителей русского музыкального творчества и музыкально-критической мысли, то постепенно расхождения сглаживались, создавая возможность совместной работы ранее враждовавших художественных группировок. Главной причиной происшедшего сближения была необходимость объединить все силы передовой музыкальной интеллигенции для преодоления чинившихся царизмом тормозов развитию отечественного искусства.

Александр Даргомыжский и Александр Серов еще в шестидесятых годах приняли активное участие в организации консерваторской концертной работы. В разное время впоследствии входили в состав руководившей Консерваторией дирекции Александр Бородин и Цезарь Кюи. Но решающее значение в дальнейшей судьбе Петербургской консерватории имело вхождение в 1871 году в число ее профессоров Николая Андреевича Римского-Корсакова.

Один из славнейших представителей знаменитой «могучей кучки», Римский-Корсаков сумел преодолеть свойственную его соотарицам ограниченность подхода к вопросу о музыкальном образовании. Он понял, что даже самый яркий талант может развиваться лишь при условии упорного и систематического труда. Решительно отвергнув опору на одну лишь интуицию, он нашел в себе беспримерное гражданское мужество, чтобы, уже известным композитором, сесть на школьную скамью для приобретения необходимых знаний и навыков. Благодаря этому Римский-Корсаков сумел — сперва в личном опыте, а затем и в педагогической практике — синтезировать два важнейших начала: четкую творческую целеустремленность и безукоризненное профессиональное мастерство.

Вместе с тем, и внутри Консерватории все более и более ясно обозначался сдвиг прогрессивной профессуры в сторону решительного внедрения в учебную и концертную жизнь крупнейших достижений русского национального музыкального творчества. Ведущую роль здесь сыграл замечательный виолончелист и композитор Карл Юльевич Давыдов, возглавлявший Петербургскую консерваторию в 1876—1887 годах.

Наряду с великими произведениями классиков мировой музыки, в стенах Консерватории теперь постоянно звучали сочинения русских композиторов — от Глинки до современных авторов. С исключительной интенсивностью работали передовые музыканты-педагоги над созданием методической системы, преломляющей опыт западно-европейского искусства сквозь призму русской художественной действительности.

Центральной проблемой стояло — по формулировке Римского-Корсакова — «обнаружение музыкальных сил, коренившихся в народе». Поэтому принимались все возможные меры для того, чтобы максимально облегчить доступ в консерваторию учащимся. На этой почве происходили неоднократные конфликты с ведавшими музыкальным образованием бюрократическими кругами, которые законными и незаконными способами пытались мешать формированию — по их собственному определению — «музыкального пролетариата».

Другой своей важнейшей задачей передовые деятели Петербургской консерватории считали содействие распространению музыкальных знаний и росту музыкального вкуса в широких слушательских кругах. Поэтому они вели энергичную борьбу за насаждение сети музыкально-учебных заведений по всей стране, что опять-таки расходилось вразрез с правительственной линией сосредоточения культуры в одних лишь столичных центрах и неизбежно приводило к самым резким столкновениям.

Отсюда вытекали и методические установки преподавания. Консерватория теперь ориентировалась, по выражению Римского-Корсакова, на подготовку таких высококачественных «художников музыкального ремесла», облик которых определяется «потребностями действительной жизни». И, пестуя талантливого ученика, профессор становился его «другом» и «отцом».

В противовес догматическим установкам европейских консерваторий, Петербургская консерватория старалась развить творческую самостоятельность учащихся. «Я никому не навязываю своих правил, не считая этих правил чем-либо непогрешимым, непоколебимым», — не раз говорил Давыдов. И он советовал ученикам: «Наблюдайте, ищите, может быть придумаете что-нибудь лучшее».

В полном соответствии с общими тенденциями современной русской общественной мысли, передовые деятели Петербургской консерватории стремились научно обосновать свою музыкально-педагогическую систему и теснейшим образом связывали виртуозное овладение техникой музыкального искусства с углубленным изучением шедевров музыкальной литературы.

Так определился второй этап исторического пути Петербургской консерватории, содержанием которого уже явилось национальное переосмысление принципов и выводов европейской музыкальной педагогики. И работа в этом направлении шла настолько успешно, что вторично принявший в Петербургской консерватории директорский пост Антон Рубинштейн смог с удовлетворением в 1889 году писать: «Когда я вспомню музыкальную Россию 25 лет тому назад и сравню ее с нынешней, то я не могу не воскликнуть: неужели таких огромных результатов консерватории могли достичь в 25-летний срок своего существования!».

Третий период истории Петербургской консерватории протекал в условиях безоговорочно завоеванного признания

ее величайшего музыкального авторитета. Среди крупнейших музыкантов, преподававших в Петербургской консерватории, были Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Глазунов и А. К. Лядов, руководившие классами теории композиции, А. Н. Есипова и Ф. М. Блуменфельд, руководившие классами фортепианной игры, Л. С. Ауэр и А. В. Вержбилович, руководившие классами игры на скрипке и виолончели, и много других первоклассных сил. В монументальное здание на Театральной площади, с великолепными театральными и концертными залами и многочисленными оборудованными аудиториями, стекалась жаждущая знаний даровитая молодежь не только со всех концов России, но и из-за границы.

И если в творческом плане этот период был временем спокойного закрепления и упрочения апробированной академической платформы, то в общественном плане он ознаменовался исключительно резкой борьбой за возможность распространения музыкальной культуры не только вглубь, но и ширь.

На волне рабочего движения вопрос о демократизации русской музыкальной культуры с конца девятых — начала девятисотых годов приобретал все большую и большую остроту. Особенно же ясно новые веяния обнаружились в 1905 году, когда революционные события нашли в Петербургской консерватории свое отражение в студенческих волнениях, отчетливо выявивших классовое расслоение как самого студенчества, так и профессуры. Мирные вначале сходы вскоре сменились забастовкой, химической обструкцией, полицейским вмешательством, арестом и исключением «непокорных» студентов. За поддержку справедливых студенческих требований был уволен из Консерватории Римский-Корсаков, а вместе с ним из состава профессоров ушло несколько других крупнейших музыкантов.

Итогом этих бурных месяцев явилось предоставление Консерватории некоторых гражданских прав, в частности — права самоуправления. По возвращении покинувших Консерваторию профессоров Художественный Совет единодушно избрал директором выдающегося симфониста Александра Константиновича Глазунова, авторитетно и плодотворно возглавлявшего Петербургскую консерваторию в течение двух с лишним десятилетий.

Как ни препятствовали тому реакционные элементы и вне и внутри Консерватории, распространение музыкальных знаний при Глазунове начало идти еще более интенсивно. В тяжелые годы разброда, уныния и упадка, охвативших значительную часть русской интеллигенции после поражения буржуазно-

демократической революции, в Петербургской консерватории не переставала кипеть музыкальная жизнь. И многочисленные воспитанники Петербургской консерватории с честью разносили музыкальную культуру по всей стране, в свою очередь выявляя и воспитывая на местах таланты.

В огромной мере именно благодаря напряженной деятельности Петербургской консерватории русская музыка, вслед за русской литературой, смогла занять центральное место в мировой художественной культуре.

Не только трудно, но и просто невозможно было перечислить всех тех, чьи имена составили заслугу и гордость Петербургской консерватории. Достаточно лишь напомнить, что, кроме Чайковского, ее воспитанниками были: композиторы Лядов, Аренский и Ипполитов-Иванов, критик Ларош, пианисты Малоземова, Есипова, Блуменфельд, Сафонов и Пухальский, певцы Лавровская, Зарудная, Стравинский, Тартаков и Усатов, скрипачи Эльман, Цимбалист и Хейфец, виолончелист Вержбилович и другие славнейшие представители русского музыкального искусства.

Но не одних лишь русских музыкантов воспитывала Петербургская консерватория. В мрачное время унижения и преследования покоренных царизмом народов, ныне составляющих единое с русским советское многонациональное государство, Петербургская консерватория любовно готовила кадры для национальных музыкальных культур.

Вместе с Чайковским Петербургскую консерваторию окончили основоположник грузинской национальной музыки Харлампий Саванели. В Петербургской консерватории учился недавно умерший основатель грузинской оперы Мелитон Балачивадзе и ныне здравствующий основатель азербайджанской оперы Узеир Гаджибеков. Формально не числясь учениками Петербургской консерватории, были с нею идейно связаны и проходили у Н. А. Римского-Корсакова высший курс композиционного мастерства классик украинской музыки Николай Лысенко и классик армянской музыки Александр Спендиаров. В Петербургской консерватории получила образование и целая группа видных эстонских, латышских и литовских музыкантов.

Многие старшие мастера советского искусства также являются воспитанниками Петербургской консерватории. В их числе — лауреаты Сталинской премии Н. Я. Мясковский и Ю. А. Шапорин, народный артист СССР И. В. Ершов, народный артист РСФСР Б. В. Асафьев (Игорь Глебов), народ-

ный артист УзССР и ТуркССР В. А. Успенский, заслуженные деятели искусства М. Ф. Гнесин и М. О. Штейнберг, композитор С. С. Прокофьев и другие.

Как бы ни были велики достижения Петербургской консерватории за пятьдесят пять лет ее существования при царизме, самой главной своей задачей она все же не смогла полностью разрешить. Лучшие люди русского музыкального искусства всегда мечтали отдать все знания и силы народу. Но самодержавный строй чинил тому непреодолимые препятствия.

Получая от правительства нищенскую денежную поддержку и потому основывая бюджет лишь на плате за право учения, Консерватория не могла так широко раскрыть свои двери, как того хотелось ее передовым деятелям. Не могла она и нести свое творчество непосредственно в народные слушательские массы. Только в мечтах представляли себе замечательные русские люди то время, когда — по прозорливым словам Рубинштейна — вырвавшаяся из оков деспотизма Россия наконец увидит «блестящее будущее» и превзойдет «все государства Европы».

Это время пришло с Октябрьской социалистической революцией. Навеки освободив страну от ненавистной власти помещиков и капиталистов, Советская власть навсегда раскрепостила и отечественное искусство. Тем самым Великая пролетарская революция разрешила основной вопрос об адресате и носителях музыкальной культуры.

Одним из начальных мероприятий Рабоче-крестьянского правительства в области народного просвещения было огосударствление музыкального образования. 12 июля 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал декрет о передаче Петроградской консерватории в ведение Наркомпроса «на равных со всеми вышшими учебными заведениями правах», а всё консерваторское имущество было объявлено «народной государственной собственностью».

С этого момента перед Петроградской консерваторией открылись невиданные перспективы. Взяв на себя заботу о высшей музыкальной школе, Советское государство ясно подтвердило ее необходимость для социалистической культуры. А тем самым были точно определены и основания, на которых теперь надлежало базировать работу Консерватории.

Открыть трудящимся великие сокровища мировой музыки, прежде доступные лишь господствующим классам, — таково было первое основание работы Консерватории при Советской

власти. Воспитывать многомиллионные массы в духе коммунизма и интернационализма, в духе беззаветной любви к Родине, в духе безграничной преданности делу Ленина — Сталина — таково было второе основание работы Консерватории при Советской власти. Содействовать претворению в музыкальных образах мыслей и чувств нового человека, строящего новую действительность, — таково было третье основание работы Консерватории при Советской власти. И способствовать обнаружению музыкальных талантов в народных массах, вырашая и развивая их, — таково было четвертое основание работы Консерватории при Советской власти.

Не все музыканты сразу поняли, что именно теперь наступило долгожданное время подлинного расцвета отечественного искусства. Отдельные же реакционно настроенные профессора прямо пытались сорвать процесс идейной перестройки Консерватории. Однако, лучшая часть профессуры, во главе с А. К. Глазуновым, Л. В. Николаевым, А. В. Оссовским и М. О. Штейнбергом, безоговорочно поддержала мероприятия Советской власти. При чутком руководстве со стороны первого Наркома просвещения А. В. Луначарского, она с огромным воодушевлением приступила к строительству советского музыкального ВУЗа.

Важнейшим фактором развития Консерватории как советского музыкального ВУЗа явилась четкая профилизация специальности. Реальные потребности страны стали определять качество и количество обучаемых в Консерватории специалистов. Теперь были не только приняты решительные меры против обычного прежде отсева учащихся в процессе учебы, но и созданы такие условия, при которых каждый поступающий мог знать, как и сколько времени он будет обучаться и что его ждет по окончании Консерватории.

Полную ясность получили сейчас типы выпускаемых Консерваторией музыкантов-исполнителей. Наряду с выдающимися солистами-виртуозами, никогда не могущими составить в высшей музыкальной школе главную массу обучающихся, Консерватория стала выпускать опытных практиков — концертмейстеров, ансамблистов и оркестрантов высшей квалификации. Благодаря созданию учебно-производственной Оперной студии, удалось наладить ознакомление с условиями будущей сценической деятельности выпускаемых вокалистов. Была реально отделена подготовка композиторов от прежде слитых с нею смежных специальностей. Появились и совершенно новые специальности,

необходимость которых подсказывалась самой жизнью: симфонические и хоровые дирижеры, оперные режиссеры, музыковеды-историки и теоретики, методисты музыкального воспитания в средней школе.

Столь ясная дифференциация специальностей повлекла за собой и уточнение учебных планов. В последних были выделены, среди необходимых для всех без исключения студентов Консерватории знаний по общеобразовательному и общемusыкальному циклам, особые для каждой специальности циклы теоретических и практических дисциплин, прохождение которых является центральным в учебе. Вместо прежней предметной, была введена строгая курсовая система, что позволило ощутимо сократить длительность пребывания студентов в Консерватории.

Подобно всем советским высшим учебным заведениям, Консерватория была структурно подразделена на факультеты и кафедры. Для подготовки профессорско-преподавательских кадров в Консерватории учрежден институт аспирантуры. В целях же организованного притока поступающих и одновременного обеспечения преемственности обучения, при Консерватории основаны Музыкальное училище и Музыкальная школа-десятилетка для художественно-одаренных детей. Большую роль, наконец, в пролетаризации студенческого состава Консерватории сыграл функционирующий одно время при ней Рабфак.

Стремясь максимально улучшить и сконцентрировать процесс преподавания, Консерватория широко развернула научно-исследовательскую и методическую работу. Полностью было перестроено преподавание всех дисциплин, а ряд предметов — особенно в области истории и теории музыки — создан заново. Профессорами и преподавателями подготовлены к печати и частично опубликованы различные учебники и учебные пособия.

Одновременно были приняты меры для расширения творческой и исполнительской работы, столь первостепенно важной для всякого ВУЗа искусств. Большую роль здесь сыграло установление тесной связи Консерватории с Союзом советских композиторов, оперными театрами, Филармонией и Комитетом радиовещания.

Всё это, вместе с широко поставленной идейно-воспитательной и общественно-политической работой, коренным образом изменило облик Консерватории.

Новые организационные формы Ленинградской консерватории были подсказаны новым содержанием педагогического процесса. Советская педагогика видит в музыкантах деятелей идеологического фронта, воспитывающих трудящихся в духе коммунизма. Подобно писателям являясь «инженерами человеческих душ», советские музыканты должны сочетать безукоризненное профессиональное мастерство с высокой морально-политической сознательностью, прочный технический аппарат с широким культурным кругозором, глубокую теоретическую подкованность с живой практической хваткой. Готовить именно таких музыкантов нового типа составляет теперь задачу Ленинградской консерватории.

Для разрешения этой задачи Ленинградская консерватория должна была пройти сложный путь социалистической перестройки. Продолжая славные традиции русской музыкальной классики, Ленинградская консерватория неустанно обогащалась опытом строительства всей советской художественной культуры. Сохранив лучшие кадры старой профессуры, онаполнила свои ряды многими выдающимися музыкальными деятелями во главе с Б. В. Асафьевым (Игорем Глебовым). Ежегодно выпуская талантливых молодых музыкантов, выросших «на советском воздухе», Ленинградская консерватория неизменно заботилась о привлечении в свой профессорско-преподавательский состав даровитейших из них, в том числе Дмитрия Шостаковича, Владимира Софроницкого и многих других. Неустанно работая над идейно-политическим перевоспитанием своей профессуры и над внедрением основ марксизма-ленинизма в музыкально-педагогическую теорию и практику, Ленинградская консерватория превратилась в мощный очаг социалистической культуры.

Характерно выразил свое восхищение «интенсивностью музыкальной культуры у ленинградской молодежи» один из многочисленных иностранных наблюдателей, имевший возможность сравнить Ленинградскую с западноевропейскими консерваториями. «Какая деятельность кипит в этом огромном улье, — с неподдельным восторгом писал он. — Еще жива великая традиция основателя Консерватории Рубинштейна, и фортепианные классы полны чутких и страстных виртуозов, получающих «солидное» музыкальное образование. Не менее блестящи и другие классы, где происходит столь же интенсивная работа. Учащиеся имеют свой клуб, издают газету, обсуждают новые произведения, интересуются авиацией и химией, ничего не хотят другого, как только свободного

развития своей творческой фантазии... Какая свежесть, какой пыл, какая молодость в их исполнении!»

За истекшие годы Ленинградская консерватория дала стране целую плеяду прекрасных специалистов во всех областях музыкального искусства. Многие из них получили известность в качестве лауреатов Сталинской премии, лауреатов Всесоюзных конкурсов музыкантов-исполнителей, народных и заслуженных артистов и т. д. Композиторы-выпускники Ленинградской консерватории создали широко популярные оперы, балеты, симфонии, квартеты, сольные инструментальные пьесы, романсы и песни. Воспитанники Ленинградской консерваторией-музыковеды дали ценные исследования по теории музыки, по истории музыки народов СССР и зарубежных стран, по музыкальному фольклору. Во всех республиках нашей многонациональной Родины успешно действуют воспитанники Ленинградской консерватории. Едва ли найдется во всем Советском Союзе, начиная от Ленинграда и Москвы и кончая новыми социалистическими городами, хоть один оперный театр или одна филармония, где бы не работали окончившие Ленинградскую консерваторию, равно как они работают и во всей советской музыкальной-учебной сети.

Само собой разумеется, на дороге к советской музыкальной классике перед Ленинградской консерваторией вставало немало препятствий. Идеологические блуждания музыкальной интеллигенции, субъективно преданной великому делу построения коммунизма, но не раз попадавшей в плен враждебных влияний, обусловили ряд серьезных ошибок и в области музыкального образования. Однако, неизменная и чуткая забота о советском искусстве партии, правительства и лично товарища Сталина всякий раз помогала выправить линию и продолжать успешное продвижение вперед.

В 1937 году Советская страна торжественно отметила семидесятипятилетний юбилей Ленинградской консерватории. Вручая, в связи с этим, Консерватории орден Ленина, М. И. Калинин говорил: «Сегодняшняя награда есть констатация крупнейших успехов Ленинградской консерватории. Разрешите мне поэтому пожелать, чтобы Ленинградская консерватория не только полностью оправдала эту награду, но чтобы она сделалась светочем, центром мировой музыкальной культуры, центром нашей музыкальной культуры, чтобы за пределами Советского Союза каждый музыкант знал и чувствовал, что если есть где подлинный расцвет музыки, так только в Советском Союзе».

С тех пор минуло пять лет. Всеми своими помыслами и силами Ленинградская консерватория стремилась оправдать доверие партии и правительства. С энтузиазмом работали профессоры и студенты Консерватории над разрешением больших творческих задач. Вероломное нападение озверелых фашистских орд, обогрившее кровью нашу замечательную страну, временно прервало мирный труд советских людей. Но, эвакуированная в далекий Ташкент и напряженно работающая в новых условиях, Ленинградская консерватория вместе со всем советским народом твердо уверена в грядущей победе правого дела.

Вступив в восемьдесят первый год своего существования, Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория, дважды освященная бессмертным именем гениального учителя трудящихся, стремится быть достойным участником великой борьбы за светлое будущее человечества.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ В ДНИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Не забудутся дни, когда наш великий город решал свою судьбу! К городу приблизился коварный, жестокий враг. Мужественные патриоты, ленинградцы вышли строить кольцо укреплений, у которых позднее захлебнулся проклятый немец. Старика, женщины, дети трудились самоотверженно, охваченные одной мыслью: «Не пустим!». Способные носить оружие ушли в Народное Ополчение.

Профессора, педагоги, студенты Ленинградской консерватории в те дни слились со всеми героическими ленинградцами в едином порыве. Навсегда останутся в памяти наши люди, копавшие противотанковые рвы. Директор П. А. Серебряков и секретарь парторганизации И. М. Рензин своим примером воодушевляли педагогов, студентов, служащих.

Каждый день в Красную Армию уходили новые отряды консерваторцев. Одним из первых ушел проф. М. М. Черноголов, нашедший славную смерть на боевом посту. Уходили студенты, лучшие из лучших, молодые, талантливые, достойные воспитавшей их орденосной Консерватории. Многих уже нет, многие погибли героической смертью. Так умер сталинский стипендиат композитор-осетин Б. Гаглов, взорвавшийся вместе с немецким танком. Так отдали свои молодые жизни сталинский стипендиат И. Каплан, прекрасный педагог и честный гражданин А. Корнеман и другие. 25 слушателей одного только Военно-Морского Факультета погибли смертью храбрых. Многие и сейчас самоотверженно бьются с фашистами, увеличивая «смертный счет фрицев», как доцент Г. А. Петров, убивший 17 немцев, как студент-композитор В. Маклаков, получивший медаль «За боевые заслуги», и другие. Мы сейчас еще точно не знаем, кого мы потеряли и кто продолжает приумножать на фронтах славу старшей советской Консерватории.

Мы помним, как наше чудесное здание на Театральной площади превратилось в настоящий боевой лагерь со штабом в кабинете дирекции. На казарменное положение были

переведены санитарная и химическая команды, команда революционного порядка, пожарная команда, среди членов которых было немало энтузиастов вроде Д. Д. Шостаковича, В. В. Софроничко и проч. Военно-шефская тройка круглосуточно принимала заявки на концертное обслуживание фронтовых частей и госпиталей. Тогда-то и отыскивались новые, действенные формы концертной работы в условиях войны, которые позднее пригодились Консерватории в шефской работе.

Напряженность обстановки не помешала в обычные сроки готовиться к началу 1941/42 учебного года, переставшая структурно комбината, учебные планы, расписание и штаты применительно к военному времени. Мысль о том, что война прервет творческий пульс Консерватории, не возникала. Тем более отвергалась возможность для кого-либо оставить родную Консерваторию в эти трудные дни. И когда руководители Ленинграда вызвали группу ведущих профессоров и предложили им выехать из Ленинграда, все единодушно отказались ехать без педагогического и студенческого коллектива.

Но враг подошел к городу вплотную. Решением Советского правительства Ленинградской консерватории было предписано эвакуироваться в Ташкент.

В ночь на 22 августа 1941 года срочно грузился последний эшелон из осажденного города. Отъезжала в далекий путь Ленинградская консерватория. Когда-нибудь будет описаны подробности этой ночи. Полное затемнение Московского вокзала не позволяло видеть облик наших людей. Но все знали, как едины наши чувства скорби за родной город, некавказцы к разрушителям культуры, глубокой веры в победу правого дела и в наше возвращение. Вместе с Консерваторией эвакуировались Музыкальная школа-десятилетка и часть Музыкального училища.

Консерваторский эшелон насчитывал до 1500 человек. Как только мы отъехали, начальник эшелона проф. А. Б. Мерovich деятельно принялся за трудную работу по организации быта и порядка в пути. Вагон-кухня и санитарный вагон сыграли видную роль в нашем благополучном следовании. В каждом вагоне было налажено сменное дежурство. Молодые помогали старшим. Здоровые ухаживали за больными. Был организован заботливый уход за детьми. Самоотверженно работала врач М. В. Шляева.

В пути мы ощущали внимательную и властную руку Ленинградского Совета, следившего за нашим продвижением

по опасной зоне и оказывавшего нам решающую помощь в тех случаях, когда загруженность дороги грозила остановкой. Надо представить себе всю серьезность положения, чтобы сполна оценить эту заботу. Гордостью наполнялись наши сердца мыслью о том, что бережным отношением, которое было к нам проявлено, мы обязаны лично товарищу А. А. Жданову.

Возникают в памяти мелькающие станции, напряженные ночные дежурства, переключки между дежурными соседних вагонов, воздушные тревоги, замирающий паровоз, низкий гул немецких разведчиков...

Поезд движется все дальше и дальше. Удаляется опасность, но удаляется и прекрасный город, которому до конца дней отданы наши думы и чувства. Наконец миновали Пестово, и жизнь эшелона начала все больше насыщаться неизбежной бытовой повседневностью. Вот на очередной остановке выбегают «уполномоченные» за кипятком, вот на другой остановке отправляется «экспедиция» в ближайшую деревню за молоком для ребятшек, а вот инициативная группа едущих развела костер и всерьез готовит всамодельный обед. Показался начальник эшелона, наш профессор, в военной шинели. Трубочка-ученик, десятилетки играет отправной сигнал, сочиненный по дороге проф. Б. А. Араповым, и разносится по цепи дежурных зазывное «По вагону-о-о-нам!»

Порой казалось нереальным происходящее: красочная длинная цепь вагонов со свисающими ногами пассажиров, движущийся «населенный пункт», в котором происходила кипучая, большая жизнь, в котором даже нарождались новые жизни, новые молодые ленинградцы, место рождения которых трудно будет отметить в их метрической записи...

Рыбинск, Ярославль, Иваново, Арзамас, Рузаевка, Батраки, Куйбышев, Чкалов... Потянулась длинная, бесконечная степь. Жарко. Душно. В отведенных для профессорских вагонов все чаще возникают деловые беседы, творческие споры на злободневные темы, обсуждаются перспективы предстоящей работы. В «штабном» вагоне директор П. А. Серебряков организует подготовку к новому учебному году, который — мы не сомневались — будет развернут скоро и ценой любых усилий.

Наступил сентябрь. Проехали Актюбинск, промелькнула водная полоса Аральского моря, нас сопровождает светлая лента Сыр-Дарья. На станции Арьск мы отправили телеграммы руководителям партии и правительства Узбекистана. Близок Ташкент.

Волнующи были эти последние часы ожидания неведомого, нового, столь важного в жизни Консерватории. Но необычайно трогательной была встреча на Ташкентском вокзале. Тепло и радушно встретила нас столица братского Узбекистана. Вместе с представителями руководящих организаций Узбекистана нас вышли встречать «аклиматизировавшиеся» в Ташкенте ленинградцы, большинство которых воспитывалось в стенах нашей Консерватории. Все они оказали нам огромную, незаменимую помощь на первых порах нашего устройства в Ташкенте. Мы навсегда сохраним к ним чувство благодарности.

Братское гостеприимство, оказанное нам руководителями партии и правительства Узбекской республики во главе с товарищем Усманом Юсуповым, превзошло наши ожидания. Для учебных занятий Консерватории был выделен Клуб Швейников с залом, обладающим отличной акустикой. Профессора были размещены по квартирам и комнатам, а для студенческих общежитий были отведены в центре города Дом Ученых и Клуб Работников Искусств.

Конечно, трудности по организации учебы и быта были огромны, а освоиться с новой обстановкой было весьма сложно. Но коллектив наш горел желанием скорее ответить делом на проявленную заботу о Консерватории. И тогда-то наши студенты и ученики десятилетки, во главе с частью педагогов, присоединившись к коллективу Ташкентской консерватории, получили первое «крещение», проведя около двух месяцев на хлопковых полях, помогая колхозникам Узбекистана в уборке военного урожая. Какими удовлетворенными возвращались эти товарищи к учебе, гордые сознанием, что своим трудом завоевали право учиться и учить! «Нежные», в ходячем представлении, руки музыкантов совсем неплохо справились с заданием. Некоторые даже стали настоящими стахановцами полей. Вспоминаются бригадыры — М. В. Броврман, Н. С. Эйгенсон, С. С. Кессельман, Я. Вильниц, ударники — доцент В. А. Чарушников, аспирантка М. Т. Бровченко, студенты Н. Бражникова, Г. Чеботария и многие другие.

А пока «хлопкоробы» отстаивали честь ленинградцев на полях, оставшиеся в Ташкенте педагоги самым интенсивным образом развернули творческую работу и подготовку к новому учебному году. Собравшись у проф. Л. В. Никольяева, мы установили структуру на ближайший год.

Проф. Х. С. Кушнарев завязал тесные отношения со всеми искусствоведческими кадрами Ташкента, и результатом этого

общения являлась научная сессия историко-теоретической кафедры, в которой непосредственное участие приняли народный артист УзССР и ТуркССР В. А. Успенский, профессор В. М. Беляев, А. А. Семенов, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, ученый секретарь Института искусствознания Е. Е. Романовская и другие.

Профессора М. О. Штейнберг, Х. С. Кушнарев, Б. А. Арапов, С. Л. Гинзбург, доцент В. И. Бунимович-Музалевский и ряд других наших композиторов и музыковедов активно включились в работу Союза Советских Композиторов Узбекистана. Намечена была и совместная работа кафедр Ташкентской и Ленинградской консерваторий.

В первые же дни дирекция связалась с ОДКА по вопросу о шефской работе в Средне-Азиатском Военном Округе. При помощи К. Г. Шмидта было налажено концертное обслуживание частей РККА и госпиталей. Профессора А. К. Бушкой и А. А. Егоров организовали методические консультации для красноармейской самодеятельности, в проведение которых позднее включилась профессура вокальной кафедры.

Одновременно группа профессоров, во главе с И. В. Ершовым, С. В. Акимовой, М. И. Бриан и А. Б. Меровичем, с энтузиазмом окунулась в творческую жизнь Узбекского и Русского театров оперы и балета. Просмотры спектаклей обогатили нас новыми замечательными впечатлениями, а стенограммы их обсуждения дали обширный методический материал для работников театров. Навсегда сохранится в памяти, потрясшее всех присутствовавших в небольшой комнате Дома Ученых, вдохновенное выступление И. В. Ершова на обсуждении музыкальной драмы «Гюльсара».

Тогда же, по инициативе проф. Б. А. Струве, доц. Л. А. Баренбойма и доц. Н. И. Ямпольского, были организованы в плане общественной помощи курсы повышения квалификации для местных музыкальных педагогов, привлечшие свыше 50 слушателей.

В эти горячие дни производилась планировка предстоящего учебного года. Во дворе Дома Ученых (так как учебная канцелярия еще не имела помещения) составлялись рабочие планы, уточнялись штаты. Нелегко было составить учебное расписание: все занятия ВУЗа, училища и десятилетки надо было разместить всего в пятнадцать аудиторийх Клуба Швейников. Приспособление танцевального зала под классы музыкальной школы лишь отчасти разрядило напряженную обстановку. Можно представить остроту положения, если помнить, что все самостоятельные задания, проводимые за инструментом, студенты, аспиранты и учащиеся десятилетки

до сих пор вынуждены выполнять в учебном здании, из-за его перегрузки, преимущественно ночью!

Столь же нелегким оказалось и составление штатного расписания. Равновесия между количеством эвакуированных профессоров и преподавателей и наличным контингентом студентов не могло быть. Но педагоги были привезены, и их следовало во что бы то ни стало использовать на работе. Тем временем перед Ленинградской консерваторией встала задача государственной важности, и ее разрешение в значительной степени помогло разрядить сложную атмосферу, возникшую вокруг использования наличных педагогов.

Начиная с сентября и примерно до конца ноября 1941 года, в Ташкент стекались десятки и сотни студентов различных консерваторий Советского Союза, временно прекративших свою работу. В одиночку и целыми группами приходили они в Ленинградскую консерваторию с просьбой о зачислении. Стало очевидным, что силой обстоятельств наша Консерватория должна выполнить историческую роль: собрать талантливую молодежь, сохранить ценные кадры до момента, когда станет возможным их возвращение по родным местам. Получив разрешение ГУУЗа ВКИ, Консерватория приступила к отбору наиболее талантливых из потока желающих, ибо впитать всех было бы, разумеется, неразрешимым и, вероятно, нецелесообразным делом.

Трудная это была работа! Поступающий обычно прибывал с родными. Всех надо было прописывать, устраивать. Были срочные случаи, когда экзамены проводились буквально «на ходу». Не забыть, например, как настойчиво просил Миша Вайман прослушать его немедленно: ему жаль матери, находящейся на привокзальной площади. Скрипки у него не было. На чужом инструменте, огрубевшими за четыре месяца пальцами, скинув дорожный мешок, Миша сыграл «Рондо капричозо» Сен-Санса. Играя, он смотрел жадными глазами ожидания, но играл так, что решение могло быть только одно...

Шли музыканты из Одессы, Днепропетровска, Риги, Харькова, Киева, Гомеля, Минска, Витебска, Кишинева, Таллина, а позднее — и из Москвы. Особо многочисленной и редкостной была группа воспитанников Одесской школы профессора Столярского. Свыше тридцати учащихся только одной этой школы впитал в себя осенью 1941 года комбинат Ленинградской консерватории.

Прием в Консерваторию значительного числа талантливых

студентов и учащихся не только позволил использовать наличные педагогические силы, но и дал возможность пригласить некоторых профессоров других консерваторий, оказавшихся в Ташкенте. К настоящему времени в коллектив Ленинградской консерватории вошли: народный артист РСФСР проф. А. Б. Гольденвейзер, заслуженные деятели искусств профессора Б. М. Рейнгалбальд и С. Е. Фейнберг, проф. Г. П. Таранов, заслуженный артист РСФСР Я. В. Куклес, доц. В. П. Португалов и другие.

Вся эта сложнейшая работа организационного периода была в большой мере облегчена интенсивным участием в ней испытанных кадров аппарата Ленинградской консерватории, в первую очередь — ученого секретаря С. М. Вильскер, секретаря дирекции Б. Р. Беленькой и главного бухгалтера А. Е. Нетрусова.

Приемные испытания еще были в разгаре, когда стало известно о скором возвращении студентов с хлопкоуборочных работ. Организационный период заканчивался: пора было начинать учебу. 17 ноября большим симфоническим концертом Ленинградская консерватория отметила открытие своего первого в военной обстановке учебного года. Заново созданными в Ташкенте симфоническим оркестром и хором дирижировал, вновь приглашенный к нам, воспитанник Ленинградской консерватории заслуженный артист БССР проф. И. А. Мусин.

* * *

Трудности, с которыми пришлось встретиться Консерватории при налаживании в Ташкенте учебной жизни, буквально неисчислимы. Отсутствие минимально необходимого количества инструментов, нотных и книжных пособий, малое количество классных аудиторий, острый недостаток нотной и писчей бумаги, значительное сокращение учебных недель благодаря отвлечению студентов на различные работы — вот далеко неполный перечень препятствий, мешавших проведению полноценного учебного года. Само собой разумеется, не могло не отозваться на учебе и бытовое положение педагогического состава и студенчества, которое ни в какой степени нельзя было считать нормальным.

Тем не менее, Консерватория сумела в этих условиях добиться удовлетворительных результатов учебной работы, что было отмечено в приказе ВКП по итогам 1941/42 учебного года. Составление и выполнение специальных планов занятий, рассчитанных на сокращенное количество часов; изыскание, при помощи студенческих организаций, дополнительных возможностей для домашних занятий за инструментом; само-

отверженная работа студентов по ночам; отыскание нот и книг в библиотеках города; рационализация расписания всех звеньев комбината — всё это помогло устроить учебную жизнь. Особые трудности выпали на долю директора, воспитателей и педагогов школы-десятилетки по налаживанию учебы и быта 200 юных музыкантов, почти полностью вынужденных жить в интернате.

Многие педагоги Консерватории работали с огромной любовью к делу. Среди них — профессор С. В. Акимов, М. И. Бриан, С. Л. Гинзбург, О. К. Калантарова, С. И. Савшинский, А. Г. Сосин, В. И. Шер, Ю. И. Эйдин, доценты А. И. Кедрова, М. Я. Хальфин, старшие преподаватели И. Л. Гофман, Е. П. Полтавская и другие.

Экзаменационные комиссии в конце 1941/42 учебного года единодушно отметили значительные успехи во всех звеньях комбината Консерватории. 67% отличных оценок — это результат большой работы педагогов и студентов, особенно в период экзаменационной сессии.

Овладевая военными знаниями, студенты и учащиеся десятилетки и рота профессорско-преподавательского состава на экзаменах по Всеобучу прошли с отличными показателями, отмеченными комиссией Райвоенкомата. Особо примечательны успехи, выказанные нашими товарищами в навыках штыкового боя. Участвуя во Всесоюзном комсомольском кроссе, наша молодежь выдвинула Ленинградскую консерваторию по району на третье место.

Прибывший из Ленинграда весной 1942 года Военно-Морской Факультет Консерватории, руководимый интендантом I ранга Ю. М. Горьковенко, за короткий срок пополнил свои ряды и полностью развернул сложный учебный план музыкальных и военных занятий.

Летом 1942 года состоялся очередной выпуск Ленинградской консерватории. Почти все 52 выпускника устроены на работу в театрах и концертных организациях. На общем высоком уровне выдвинулись режиссеры Н. Самосуд и А. Киреев, ныне работающие в Узбекском театре оперы и балета; кларнетист В. Гетман, работающий в Московском Государственном Еврейском театре; скрипач А. Левин, работающий в Московском Театре Революции; тромбонист А. Булыгин, работающий в Театре оперы и балета имени Свердлова; скрипач В. Кружков, работающий в симфоническом оркестре Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Особо выделявшийся среди выпускников пианист Г. Сараджев остался в аспирантуре при Консерватории.

Ввиду выявившейся необходимости увеличить контингент

обучающихся по духовым оркестровым инструментам, было стимулировано изучение этих специальностей студентами других факультетов в порядке совмещения. В настоящее время около 20 студентов, преимущественно пианистов, обучаются игре на духовых инструментах, обещая в ближайшем будущем достойно пополнить кадры дефицитных профессий.

Существенным достижением учебной жизни является обозначившаяся переориентация научных интересов студентов историко-теоретического факультета в сторону актуальных вопросов музыкального искусства. В частности, все курсовые студенческие работы выпускников текущего года посвящены советскому музыкальному творчеству.

Говоря об учебной работе, хочется отметить, что значительное улучшение работы учебного аппарата в большой мере явилось результатом приглашения на должность заведующего учебной частью кандидата искусствоведческих наук доцента Л. А. Баренбойма. Много помогает налаживанию учебной работы заведующая учебной канцелярией В. М. Лемчук.

Трудно ограничить себя при желании выделить что-либо из проделанной Ленинградской консерваторией научно-методической работы. Мы уже говорили о сессии историко-теоретической кафедры, проведенной совместно с Научно-исследовательским Институтом Искусствознания. Весьма серьезное значение имела также антифашистская сессия Ученого Совета, в которой о докладах выступили профессора С. Л. Гинзбург, А. А. Адамян и Б. А. Струве, доценты М. Ф. Печурин и А. Л. Островский.

Ряд педагогов Консерватории защитил диссертации на соискание ученых степеней. Докторскую диссертацию защитил проф. Г. П. Таранов, кандидатские диссертации защитили молодые научные работники Е. Ф. Бронфин, И. Д. Гликман, А. Н. Должанский.

Значительную работу проделали проф. С. Л. Гинзбург над созданием учебника истории советской музыки и проф. Ю. И. Тюлин по составлению учебника гармонического анализа.

Интересные доклады на кафедрах были прочитаны профессорами А. К. Буцкии, А. Б. Гольденвейзером, Б. А. Струве, доцентами Л. А. Баренбоймом, А. Н. Должанским и др. Свежестю темы выделялся доклад проф. Х. С. Кушнарева о ритмах узбекской музыки.

Весьма плодотворно доработали композиторы Консерва-

тории, и в ряде случаев их работа по своему значению далеко вышла за рамки местного значения.

Замечательную творческую активность показал проф. М. О. Штейнберг, тесно связавший свое творчество в Ташкенте с узбекским фольклором. Сочиненная М. О. Штейнбергом 5-я симфония-рапсодия бесспорно является этапным произведением в развитии узбекской симфонической музыки. Включив в симфонический оркестр ансамбль узбекских национальных музыкальных инструментов, М. О. Штейнберг с исключительным мастерством разрешил творческую проблему, открывающую широкие перспективы на пути дальнейшего расцвета узбекской музыкальной культуры.

Приехал в Ташкент лишь осенью 1942 года, проф. М. Ф. Гнесин написал новое патристическое произведение для хора.

Проф. Г. П. Таранов был поглощен завершением и постановкой в Театре оперы и балета имени Свердлова своей оперы «Ледовое побоище».

Проф. Б. А. Арапов по заданию правительства Монгольской Народной Республики написал музыку к фильму «Сухэ-Батор», получив за успешное выполнение этой работы почетную грамоту МНР.

Успешно и продуктивно работали проф. Л. В. Николаев, написавший 2-й струнный квартет, проф. В. И. Шер, сочинивший для квартета ряд пьес на народные темы, доц. Б. Я. Шнитке, написавший пьесы для скрипки на узбекские мотивы. Интересные переложения различных произведений классической литературы для оркестровых инструментов сделали профессор А. Г. Сосин, А. В. Березин и др.

Летом 1942 года кафедрой композиции был объявлен конкурс на сочинение строевого марша для Узбекской Национальной Дивизии. К участию в жюри были привлечены Народный артист РСФСР и УзССР проф. С. Н. Василенко, лауреат Сталинской премии проф. Л. Н. Ревуцкий и народный артист УзССР М. Ашрафи. Наиболее удачно справился с заданием студент IV курса композиторского факультета Г. Хирбиков, получивший первую премию.

Здесь далеко не полностью охвачены наши композиторы и музыковеды, и еще менее полно освещена работа каждого из упомянутых в отдельности. Но и перечисленного достаточно для общей характеристики успехов наших композиторов на пути освоения замечательной узбекской музыки, обогатившей их творчество новыми идеями и ритмо-intonациями, и достижений наших ученых, ставящих и разрабатывающих важнейшие проблемы советской музыкальной теории и практики.

Любопытно отметить, что никогда прежде Ленинградская консерватория, имея в своем распоряжении весь арсенал исполнительских сил, два прекрасных зала и другие благоприятствующие условия мирного времени, не могла развернуть концертный сезон такого масштаба, с охватом такой обширной тематики, как это удалось сделать в жестких условиях эвакуации. Пройдут годы, и одним из наиболее ярких наших воспоминаний о творческой работе в Ташкенте явится воспоминание о проведенных здесь открытых тематических концертах. С уверенностью можно полагать, что столь же яркий след эти концерты оставят в памяти и наших слушателей. Это можно предположить по высказываниям последних на слушательской конференции в июле 1942 года и, главное по тому неизменному интересу, который был проявлен к этим концертам.

Атмосфера, царившая на этих концертах, своим высоким эмоциональным накалом вдохновляла наших исполнителей и поднимала их творчество. Не было поэтому для наших профессоров, аспирантов и студентов большей радости, нежели принять участие в консерваторских концертах. И это насыщение исполнительской деятельности Консерватории явилось прямым результатом горячего стремления наших людей отдать все свои творческие силы на идейное вооружение нашей Родины и их искреннего желания отблагодарить своим творчеством братский Узбекистан.

В цикле западноевропейской музыки исполнялись произведения Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шумана, Шопена, Брамса, французских импрессионистов. В цикле русских классиков исполнялись сочинения Глики, Рубинштейна, Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, Глазунова, Танеева, Скрябина. Несколько концертов были посвящены творчеству советских композиторов: Штейнберга, Шостаковича, Прокофьева, Шапорина, Чичко, Кабалевского, Хачатуряна и др. Два специальных концерта включали произведения славянских, английских и американских композиторов. Состоялся ряд самостоятельных концертов отдельных исполнителей, концерты аспирантов, учащихся десятилетки и студентов-сталинских стипендиатов. Общее число концертов превысило сорок; семь из них было симфонических.

Яркий пример исполнительской активности показал проф. П. А. Серебряков, несмотря на огромную перегрузку административной работой неоднократно выступавший и в тематических концертах и с самостоятельными программами. Дея-

тельную участие в концертах приняли: квартет имени Ауэра (проф. В. И. Шер, Б. И. Ратнер, проф. А. Г. Сосин и лауреат Всесоюзного конкурса Э. Г. Финман), профессора Л. В. Николаев, А. Я. Штример, Ю. И. Эйдлин, А. В. Зейлигер и А. Б. Мерovich, лауреаты Всесоюзных конкурсов В. Х. Разумовская, М. Я. Хальфин, Н. Е. Перельман, А. Я. Феркельман и А. А. Григорьева, доценты С. С. Апродов, Г. М. Бузе, А. Д. Логовинский и И. Д. Хандии, аспиранты М. Т. Бровченко, В. Н. Кудрявцева и др. Большую плодотворную работу провела концертмейстер М. Н. Базыкина. Кроме симфонического оркестра, в концертах неоднократно принимал участие хор, руководимый проф. А. А. Егоровым и преп. К. А. Ольховым.

Концерты предварялись вступительными словами проф. С. Л. Гинзбурга, доц. С. Н. Богоявленского, кандидата искусствоведческих наук В. И. Бунимовича-Музалевского, И. Д. Гликмана, А. Н. Должанского и др.

Событием огромной значимости явилось исполнение симфонического оркестром Консерватории 7-й симфонии нашего профессора — лауреата Сталинской премии Д. Д. Шостаковича. Симфония впервые исполнялась в Ташкенте в день годовщины Отечественной войны, 22 июня 1942 г., в третий раз в СССР (после Куйбышева и Москвы). Общественный интерес, проявленный к этой симфонии, и успех ее у слушателей были триумфальными. Симфония исполнялась для советского и партийного актива, для интеллигенции, повторялась для широкой аудитории.

Легко представить, как это произведение высокого мастерства и глубокой идейности, создававшееся в осажденном Ленинграде и по своей выразительной силе сконцентрировавшее всю величайшую мощь советского народа, поднимавшегося на священную битву против врага-зверя за жизнь, свободу и прогресс во всем мире, вдохновило всех причастных к его исполнению. Дирижер проф. И. А. Мусин, игравшие в оркестре профессора, доценты, аспиранты, студенты, учащиеся десятилетки, слушатели Военно-Морского Факультета — словом, все 120 человек — были охвачены необычайным творческим подъемом, позволившим за короткий срок успешно справиться с исполнением величественного творения наших дней. Это был праздник, давший изумительные творческие радости и огромное моральное удовлетворение.

Нашим студентам и их руководителям посчастливилось принять самое непосредственное участие в одном из гранди-

озных строительства, реализующих творческие дерзания узбекского народа. Северный Ташкентский канал явился своеобразным экзаменом, испытанием жизнестойкости тех форм концертно-массовой работы, которые были отысканы нами в дни войны. Ленинградская консерватория имеет все основания гордиться тем, что за образцовое обслуживание концертами строителей Северного Ташкентского канала Президиум Верховного Совета УзССР наградила почетными грамотами 20 педагогов и студентов Консерватории, а также тем, что Штаб строительства и Управление по делам искусств при СНК УзССР объявили Консерватории в целом и ее отдельным педагогам и студентам благодарность.

Помимо групп студентов, принимавших участие в строительстве в качестве рабочих, были отправлены три различных по своему концертному «жанру» ансамбля. Всем этим ансамблям ставилось обязательное условие обойтись без рояля. Выехала концертная группа, выступавшая в сопровождении струнного квартета. Руководитель квартета и всей группы аспирант Б. А. Сергеев проделал большую работу по переложению для квартета обширного репертуара. Далее была направлена театрализованная группа под руководством проф. Э. И. Каплана и доц. И. Я. Полферова, подготовившая ряд миниатюр, связанных общей сюжетной линией на темы Отечественной войны. Наконец, выехал вновь созданный комсомольско-молодежный ансамбль Консерватории, где музыкальным руководителем был Д. А. Румшевич, политруком Г. И. Мучар, а бригадиром студ. И. Теслер. Группа вокалистов студентов ВУЗа и музыкального училища, два чтеца и небольшая оркестровая группа исполняли боевые оборонные песни, хоровые произведения советских композиторов и специально сочиненные сатирические куплеты. Каждый вокалист одновременно являлся и солистом и хористом. Вся программа объединялась конференсом. Был в ансамбле и свой композитор — Е. Шендерович.

Надо признать, что на фоне общего успеха всех трех направленных Консерваторией концертных групп на долю комсомольско-молодежного ансамбля выпала наибольшая популярность среди строителей канала. Днем и ночью, в любую погоду, в землянках и на самой трассе строительства комсомольцы выступали всегда «в форме», заражая тысячную аудиторию бодростью и задором и в свою очередь вдохновляясь изумительным героическим трудом строителей. Из 116 концертов Консерватории на строительстве Северного Ташкентского канала, 75 дал комсомольско-молодежный ансамбль. Он выдержал испытание времени и летом 1942 года

был направлен Командованием САВО для обслуживания частей РККА по Средней Азии. Вернувшись после успешной поездки, ансамбль продолжает свою работу по обслуживанию госпиталей и воинских частей, совершенствуя свое мастерство, внося изменения в формы работы и в репертуар.

Осенью 1942 года, вследствие ухода в ряды РККА ряда студентов-мужчин, жизнь выдвинула необходимость создания женского ансамбля для шефской работы. С энтузиазмом взялась за это дело проф. С. Д. Масловская, и при помощи студентки оперно-режиссерского факультета М. Сулицкой ансамбль ныне с успехом несет музыку раненым бойцам и командирам.

Профессорская концертная группа также выполняет ответственную роль в общей шефской работе Консерватории. Неизменными участниками ее являются проф. В. И. Шер и руководимый им квартет им. Ауэра, профессора А. Я. Штримера, А. М. Штример, Ю. И. Эйдлин, лауреаты Всесоюзных конкурсов А. А. Григорьева, Н. Е. Перельман, М. Я. Хальфин, доц. С. С. Анродов, асп. В. Н. Кудрявцева, Т. Н. Лаврова и др. Большую работу проделали при разработке программ и в проведении самих концертов наши музыковеды. Успешно налаживал организационную сторону концертов А. Б. Брук.

Чтобы дать представление о масштабе шефской работы Ленинградской консерватории, достаточно указать, что общее количество шефских концертов Консерватории в частях РККА, госпиталях и палатах с момента приезда в Ташкент уже перевалило за тысячу. При этом мы не останавливаемся на культурно-массовой работе в госпиталях, на помощи красноармейской самостоятельности, на творческих отчетах в госпиталях и т. д., подобно концертной работе занимавших значительное место во всей общественной деятельности Консерватории. Именно потому участники шефского актива Ленинградской консерватории были награждены грамотами штаба САВО и Республиканского Комитета Союза Работников Искусств.

29 ноября 1942 года решением ЦК КП(б)Уз для художественного обслуживания Действующей Красной Армии был направлен объединенный концертный ансамбль Театра оперы и балета имени Свердлова и Ленинградской консерватории. Ансамбль возглавили проф. А. Б. Мерovich и секретарь партбюро ЛОЛК доц. М. Ф. Печурин. От Консерватории в ансамбль вошли вокалисты М. Бровченко, Л. Грудина, В. Мизина, И. Краузе и струнный квартет под руководством Б. Сергеева. Успешно выступивший в Москве, ансамбль в настоящее время с огромным увлечением концертирует на

передовой линии Брянского фронта. Опыт массовой концертной работы, приобретенный Консерваторией за время Отечественной войны, дал нам возможность заслужить право отправить своих товарищей на фронт, и мы гордимся этим правом.

Ленинградская консерватория прекрасно понимала, что время пребывания в Ташкенте следует использовать, с одной стороны, для наиболее полного освоения узбекской музыкальной культуры и, с другой, для оказания ей возможной помощи. Интересно поэтому отметить, где и как использованы наши научно-художественные кадры.

В Союзе советских композиторов Узбекистана творческую работу ведут профессор М. О. Штейнберг, Х. С. Кушнарев, С. Л. Гинзбург, Б. А. Арапов. Помощником председателя Союза состоит доц. Б. И. Бунимович-Музалевский. Лаборатория по реконструкции узбекских народных инструментов, учрежденная решением ЦК КП(б)Уз, привлекла в качестве консультантов профессоров Х. С. Кушнарева и Б. А. Струве.

В Узбекской Государственной Филармонии художественным руководителем является проф. А. Б. Мерович, до того занимавший эту же должность в Театре оперы и балета имени Свердлова. На время отъезда проф. А. Б. Меровича с фронтовой бригадой обязанности художественного руководителя Филармонии исполняет Н. С. Эйгенсон.

В концертах Филармонии и Комитета по радиовещанию принимает активное участие большой ряд педагогов Консерватории. Многие педагоги и студенты играют в оркестрах Узбекского театра оперы и балета, Театра оперы и балета имени Свердлова, Областного театра имени Усмана Юсупова в Янги-Юле, Узбекского ТЮЗа и других театральных и концертных организаций.

Работая в Узбекском театре оперы и балета, проф. Э. И. Каплан осуществил труднейшую постановку оперы композитора А. Ф. Козловского «Улугбек», а проф. С. Д. Масловская в театре им. Свердлова поставила «Корневильские колокола».

Педагогическую работу в Ташкентской консерватории ведут проф. А. Я. Штример, доц. Л. А. Баренбойм, доц. Н. Н. Галанина, преп. Е. П. Андреева.

Студенты музыкально-педагогического факультета ведут значительную работу во Дворце Пионеров и в других детских учреждениях.

В аппарате Управления по делам искусств при СНК

УзССР ответственную работу ведет доц. Н. И. Ямпольский.

Мы не упоминаем здесь о неоднократном привлечении наших профессоров в различные комиссии по ознакомлению с творческой работой музыкальных организаций, по обследованию учебных заведений, театров и т. п.

С чувством удовлетворения может Ленинградская консерватория отметить разностороннее участие своих людей в культурной жизни Узбекистана.

В дни своего восьмидесятилетия Ленинградская орден Ленина государственная консерватория невольно обращается мыслями и чувствами всего коллектива к далекому и столь близкому родному Ленинграду. Там, вместе со всеми его героическими защитниками, живут и работают наши товарищи, по разным причинам не имевшие возможности выехать со всем коллективом Консерватории. Замечательные образцы мужества, выдержки и творческого горения показали старейшие профессора Б. В. Асафьев и А. В. Оссовский. С особенной гордостью узнали мы о награждении орденом Красной Звезды доцента А. И. Анисимова и аспиранта М. А. Довенмана. Мы твердо верим в скорое возобновление совместной работы как с ними, так и с теми нашими товарищами, которые выехали в различные города Советского Союза с ленинградскими оперными театрами, филармонией и т. д.

Осуществляемые под гениальным водительством товарища Сталина блистательные победы доблестной Красной Армии приближают тот счастливый час, когда мы вернемся в наш родной город и отдадим творческий рапорт руководителям Ленинграда, восстановлению которого с восторгом посвятим все свои силы. Мы полны уверенности в том, что исключительную заботу и внимание, проявленные к нам организатором героической обороны Ленинграда товарищем Ждановым, коллектив Ленинградской орден Ленина государственной консерватории оправдает с честью, достойной старейшего расадника русской музыкальной культуры.

КАМЕРНЫЙ КОНЦЕРТ

1. Проф. Х. С. Кушнарев (засл. деят. иск.). Сوناتа для органа. Переложение для двух фортепиано доц. А. Н. Котляревского.
Исп. доц. М. Я. Хальфин (лауреат Всесоюзн. конк.) и Л. И. Зеликман.
- 2 а) Проф. Б. А. Арапов. Романсы на тексты Пушкина } для голоса
б) Доц. В. В. Волошинов. Романсы на тексты Пушкина и Лермонтова } и фортепиано.
Исп. доц. С. С. Апродов и доц. А. И. Раппопорт.
- 3 а) Проф. П. Б. Рязанов. Пьесы на темы белорусских песен } для виолончели
б) Проф. М. Ф. Гнесин (засл. деят. иск.). Пьесы } и фортепиано.
Исп. проф. А. Я. Штример (засл. деят. иск.) и проф. А. М. Штример.
- 4 а) Проф. Л. В. Николаев (нар. арт. РСФСР). Ноктюрн } для
б) Проф. Д. Д. Шостакович (лауреат Сталинской премии, засл. деят. иск.). Прелюдия } фортепиано.
Исп. проф. П. А. Серебряков. (лауреат Всесоюзн. конк.)
- 5 а) Проф. М. Ф. Гнесин (засл. деят. иск.). Песни на родов СССР } для скрипки
б) Доц. Б. Я. Шнитке. Пьеса на узбекскую тему } и фортепиано.
Исп. проф. Ю. И. Эйтли и доц. Ф. И. Фойдаминская.
6. Студ. М. Левиев. Три узбекские народные песни для голоса и фортепиано.
Исп. асп. В. Н. Кудрявцева и доц. И. Я. Полферов.

III день

28 марта 1943 г.

ЗАСЕДАНИЕ

1. Доц. Л. А. Баренбойм (канд. искусств. наук). Фортепианное исполнение и педагогика в Ленинградской консерватории.
2. Проф. Б. А. Струве (д-р искусств. наук). Скрипичное и виолончельное исполнение и педагогика в Ленинградской консерватории.

КОНЦЕРТ ЮНЫХ МУЗЫКАНТОВ

Участвуют: Люба Брук (ф-но), Миша Вайман (скрипка), Роза Вайншток (виолончель), Боря Гутников (скрипка), Юра Ионов (ф-но), Олег Каравайчук (ф-но), Валя Никифорова (ф-но), Аня Пелех (скрипка), Марк Тайманов (ф-но), Галя Федорова (ф-но).

ПРОГРАММА СЕССИИ

I день

14 марта 1943 г.

ЗАСЕДАНИЕ

1. Проф. С. Л. Гинзбург. Исторический путь Ленинградской консерватории.
2. Доц. А. Л. Островский (зам. директора ЛОЛГК). Ленинградская консерватория в дни Отечественной войны.

СИМФОНИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ

1. Проф. М. О. Штейнберг (засл. деят. иск.). Увертюра к музыкальной драме «Тохира и Зухра» на народные узбекские мелодии Тохтасына Джалилова.
2. Проф. Д. Д. Шостакович (лауреат Сталинской премии, засл. деят. иск.). Седьмая симфония, 1-я часть.
Исп. симфонический оркестр ЛОЛГК под управлением проф. И. А. Мусина (засл. арт.).
Вступительное слово—доц. И. Д. Глирман (канд. филолог. наук).

II день

21 марта 1943 г.

ЗАСЕДАНИЕ

1. Проф. Х. С. Кушнарев (засл. деят. иск.). Воспитание композиторских кадров в Ленинградской консерватории.
2. Проф. Ю. Н. Тюлин (д-р искусств. наук). Музыкознание в Ленинградской консерватории.

IV день

4 апреля 1943 г.

ЗАСЕДАНИЕ

1. Проф. И. В. Ершов (нар. арт. СССР). Воспоминания о А. Г. Рубинштейне.
2. Проф. С. Л. Гинзбург. Мысли А. Г. Рубинштейна о Родине и войне (по неизданным материалам).
3. Проф. М. Ф. Гнесин (засл. деят. иск.). Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове.
4. Проф. М. О. Штейнберг (засл. деят. иск.). Воспоминания о А. К. Глазунове.

СПЕКТАКЛЬ ОПЕРНОЙ СТУДИИ

П. И. Чайковский. „Иоланта“.

Музыкальный руководитель спектакля доц. И. Я. Полферов.
Режиссер доц. В. А. Чарушников. Художники Т. С. Емельянова и С. М. Штейнберг. Художественный руководитель Оперной студии проф. С. Д. Масловская (засл. арт.).